

© 2014 г.

Сергей Давыдов

доктор социологических наук, профессор

(Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

(e-mail: licurg@inbox.ru)

ПРИНЦИПЫ СОЦИЕТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Рассматривая основные принципы социетальной экономики древнего мира, автор исходит из того, что современные тенденции развития хозяйственной сферы приводят к «осовремениванию» этих принципов и делают рациональным их использование.

Ключевые слова: социетальная экономика, экономическое действие, труд, распределение, обмен, культурная легитимация.

С середины XIX в. в академическом сообществе Европы стала широко обсуждаться идея принципиального изменения взаимоотношений между социальной сферой и экономикой. Это стало естественной реакцией ученых на признаки обособления экономики от социальной сферы и даже усиление воздействия практик хозяйственной жизни на общественные отношения. Можно полагать, что общество ощущает потребность в определенном противодействии этому процессу. Отсюда интерес к особенностям минувших эпох.

Экономика и человек давнего прошлого

Эпохи, предшествовавшие индустриальной, рассматривались многими экономистами и социологами преимущественно как мир социетального хозяйства, обеспечивающий органичное сосуществование экономики и общества, в противоположность жизни современного человека – беспокойной, оторванной от своего естественного состояния и подчиненной экономической реальности.

Многие исследователи не только в XIX, но и в XX в. (например, Стинчкомб) нарастание противоречий между обществом и экономикой связывали с наступлением капитализма. Но будущее они видели лишенным конфликтов и противоречий, свойственных капиталистическим отношениям, которые отчуждали человека от хозяйственной деятельности, вырывали его из «родовой жизни».

Однако среди них были и такие, кто полагал, что капиталистические отношения отнюдь не инициировали, а лишь завершили продолжавшийся многие столетия процесс разрушения социетальной экономики. Поэтому

при конструировании прогностических моделей хозяйственной жизни они заглядывали в глубокую ретроспективу, наделяя образ будущего чертами мира древнейших людей, в котором сосуществование общества и экономики было органичным и естественным. Хорошей иллюстрацией таким взглядам служат слова Льюиса Генри Моргана. «Время, прошедшее с наступления цивилизации, – утверждал он, – это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов»¹.

Каменный век или золотой век?

Нельзя сказать, впрочем, что подобный взгляд на прошлое не имел альтернатив в классической науке. В научной литературе встречались и до сих пор встречаются две противоположные традиции во взглядах на архаичную культуру.

Начало одной из них было положено Эсхилом. Он был убежден, что люди древности вели жизнь, полную опасностей и лишений. Традиция была воспринята частью научного сообщества и нашла свое отражение в ряде работ по экономике и антропологии. В них мы можем найти указание на то, что предоставляемые первобытному человеку природой ресурсы были настолько ограничены, «что только самое интенсивное их использование делало выживание возможным»², что «человек, который проводит всю свою жизнь, преследуя животных только для того, чтобы их убивать и съедать, или же бродит от одного куста ягод к другому, в действительности живет как самое настоящее животное»³. К сугубо «экономическим» аргументам добавлялись «культурологические». Так, некоторые антропологи утверждали, что люди каменного века были крайне стеснены не только нехваткой жизненных средств, но и рамками первобытной культуры. Весь наш опыт и воспринятая нами система общедоступных знаний позволяют принять несложное предположение, что чем менее развитым является

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45. с. 269.

² Herskovits M. Economic Anthropology. New York, 1952. p. 68–69.

³ Braidwood R. The Near East and the Foundations for Civilization. Eugene: Oregon State System of Higher Education 1957. Prehistoric Men. 3rd ed. Chicago Natural History Museum Popular Series, Anthropology, Number 37, 1957. p. 122.

общество, тем меньшим количеством ресурсов обладают составляющие его люди, соответственно, тем более скудной и унылой оказывается жизнь архаического человека.

Альтернативный подход к оценке присваивающего хозяйства восходит к Библии. Так, Книга Бытия дает нам описание места пребывания первых людей, описание столь же краткое, сколь и достаточное для проведения очевидных аналогий между образом жизни обитателей Эдемского сада и образом жизни собирателей и охотников¹. Это место в Библии именуется раем, а изгнание из него человека оценивается как величайшее несчастье². Маршалл Салинз в своей монографии «Экономика каменного века» критиковал в ряде изданий представления о хозяйстве номадов как о хозяйстве выживания³. Не оспаривая того аргумента, что люди каменного века не располагали развитыми средствами производства, он вместе с тем не утверждал, что материальные блага являлись для первобытного человека ограниченным ресурсом, как это принято было долгое время считать. «Нехватка средств, — писал он, — не является неизбежным следствием слабых технических возможностей. Она — порождение соотношения между возможностями и целями»⁴. На основании этого он призывал рассматривать мир древних людей даже как «общество изобилия», в котором потребности удовлетворены не потому, что люди много производят, а потому, что они «немногого желают»⁵.

Нельзя сказать, что позитивный способ восприятия хозяйственной жизни охотников и собирателей был лишен эмпирических и аналитических оснований. Но лежащие в его основе аргументы не так понятны, как доводы оппонентов. Они базируются на релятивистских, а потому и неочевидных посылах и требуют от исследователя большого времени и терпения при формировании доказательной базы для своих утверждений, а также аккуратности и казуистической точности при построении аналогий и теоретических обобщений. Кроме того, большинство исследователей, глубоко понимающих архаические общества, вовсе не задавались целью создать аналитическую модель позитивного восприятия образа жизни первобытных людей, предпочитая концентрировать свои усилия на его всестороннем описании.

Сегодня мы должны задаться вопросом, какие ориентиры развития ныне способны дать нам древние общества и являлся ли исторический отход от социальных принципов соотношения между сферой общественных отношений и экономикой необходимым условием экономического прогресса.

¹ Быт. 2: 8–25.

² Там же, 3: 14–19.

³ Салинз М. Экономика каменного века. М. 1999. С. 17.

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Там же, с. 19–20.

Легитимация хозяйственных трансакций

Следует обратить внимание на одну важную особенность мира присваивающего хозяйства: групповые интересы здесь уживаются с индивидуальными, верования не противоречат хозяйственному расчету, а обменные операции сопровождаются магическими ритуалами и служат преимущественно не экономическим, а социальным целям.

Аргументы в пользу такого предположения мы можем найти, к примеру, в исследовании Марселя Мосса «Очерк о даре»¹. В нем автор концентрирует свое внимание на одном из ключевых и, пожалуй, самом «рыночном» из элементов хозяйственной деятельности представителей архаических культур – обмене. Прежде всего, мы вслед за Моссом отметим, что даже те трансакции, которые были связаны с передачей материальных ценностей, у первобытных людей имели не только чисто утилитарное, но и символическое значение.

Особое внимание Мосс уделял объяснению ошибочности представлений о практиковавшемся собирателями и охотниками обмене как о разовой «рыночной» трансакции. Циркуляция богатств была «лишь одним из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора»².

Подобного рода операции были основаны на точном соотношении выгод и издержек. Так, соображения престижа клана заставляли вождя вести точный ростовщический расчет при возмещении полученных подарков. Вот только конечная цель такого расчета состояла отнюдь не в том, чтобы извлечь материальную выгоду из взаимного обмена дарами. Наоборот, она сводилась к тому, «чтобы превратить в должников тех, кто сделал вас должниками... Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем»³.

В наши дни такое экономическое поведение могло бы показаться удивительно «неэкономическим», а такой рационализм совсем «не рациональным». Но все встанет на свои места, если мы поймем, что в подобных случаях хозяйственный расчет был направлен на достижение не столько экономических, сколько социальных (часто групповых) целей, а материальные соображения здесь занимали явно подчиненное положение по отношению к общественным.

И действительно, Мосс отмечает, что на ранних стадиях развития общества основным хозяйственным агентом являлась группа. «Сначала, – пишет он, – принимают на себя взаимные обязательства, обмениваются и догово-

¹ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222. С. 88–89.

² Там же, с. 90.

³ Там же, с. 140.

риваются не индивиды, а коллективы; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно»¹.

Общественный контроль над экономическим действием дополнялся контролем со стороны культуры.

Так, в представлении многих народов материальные предметы имели тесную связь с духовным миром, были наделены особой силой. Например, Маори полагали, что «*таонга* (материальное благо – С. Д.) и всякая личная собственность в строгом смысле слова обладают неким *хау*, духовной властью. Вы даете мне какой-нибудь предмет, я даю его третьему лицу; тот отдает мне другой предмет, потому что его принуждает *хау* моего подарка; а я обязан дать вам эту вещь, потому что надо вернуть вам то, что в действительности составляет продукт *хау* вашей таонги»². Оставлять у себя полученную вещь, не сделав ответного дара, было, таким образом, попросту опасно, поскольку считалось, что эта вещь подчиняла себе своего нового владельца. Кроме того, даже отдарившийся получатель дара был вынужден в срок избавиться от него, поскольку за людьми, надолго задерживающими у себя особо ценные вещи, закреплялась дурная репутация.

Впрочем, каковыми бы ни были расхождения исследователей в вопросах интерпретации ряда понятий, характеризующих хозяйственные отношения первобытных людей, утверждение о символическом характере обмена в древнем обществе сегодня мало кем оспаривается. Одним из подтверждений ему служит и явно неэкономическое содержание санкций, которым подвергались нарушители культурных норм, организующих обмен. Так, «отказаться дать, пригласить, так же как и отказаться взять, (было – С. Д.) тождественно объявлению войны; это значило отказаться от союза и объединения»³.

Таким образом, у нас имеются достаточные основания считать, что существовавшие в племенах каменного века хозяйственные практики не выполняли исключительно утилитарных функций. Хозяйственные транзакции не были оторваны друг от друга и вместе с тем от общего социально-культурного контекста. Напротив, они прямо-таки светились духовным смыслом, который оправдывал и легитимировал их проведение, а инструменты социального контроля обеспечивали их безусловное исполнение. Разнообразие форм взаимных «даров», существование между ними смыс-

¹ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М.: Восточная литература, 1996. С. 83–222. С. 88–89.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 101–102.

ловой, а часто и духовной связи, делали хозяйственный мир собирателей и охотников неразрывной частью первобытной культуры, придавая их хозяйственно-культурной жизни органичность и цельность. Все это становилось возможным в условиях, когда экономическое действие человека, все хозяйственные практики пребывали под непрерывным общественным контролем и жесткой культурной детерминацией.

Независимость и защищенность

В хозяйственной жизни первобытного общества мы можем найти еще две черты, а именно, независимость человека от материальных ценностей и вместе с тем довольно высокий уровень его защищенности.

В том, что собиратель и охотник был далек от стремления окружить себя максимальным количеством материальных благ, как легко догадаться, обнаруживается влияние коммунитарной культуры первобытного общества. Но в этом был и простой хозяйственный расчет. В нем человек, вероятно, отталкивался от понимания специфики кочевого образа жизниномада. В самом деле, большинство благ, превышающих уровень удовлетворения естественных потребностей первобытного человека и его близких, с экономической точки зрения были попросту бесполезны. Именно поэтому в первобытной культуре «никто особо не держится за свое добро и пожитки, которые, какими бы они ни были, часто с легкостью теряются и с такой же легкостью заменяются другими»¹. К этому следует добавить, что обилие материальных благ не несло в себе и социальной нагрузки. Ведь верность и обожание соплеменников можно было выменять на них только в условиях дефицита жизненных средств, чего при малой плотности заселения и щедрости природы раннего голоцена, вероятно, не наблюдалось. Кроме того, при кочевом образе жизни материальные блага не могли ни накапливаться, ни транспортироваться при переезде стоянки с места на место. В частности, в результате антропологических исследований были получены сведения о своеобразной системе ценностей современных нам собирателей, в которой приоритет отдается вещам, не ограничивающим свободу передвижения².

В этих условиях богатство кочевника могло заключаться не столько в обладании жизненными благами, сколько в его способности мобилизовать при необходимости ресурсы других людей; т. е. оно определялось величиной не экономического, а социального и символического капиталов³. Еще

¹ Gusinde M. The Yamana. 5 vols. New Haven, Conn.: Human Relations Area Files, 1961. P. 86–87.

² Warner, W. Lloyd. A Black Civilization (first edition 1937). New York: Harper & Row, 1964. P. 136–137.

³ Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 521–528.

многие столетия спустя после крушения культур раннего неолита – «палестинского хиатуса»¹ – «услуги, а не товары, составляли богатство во многих архаичных обществах»².

Наряду с тем, что по общему правилу «удалившийся от работы не имеет никакой доли в общественном владении»³, человек располагал широкими возможностями реализовать свой трудовой потенциал. Он был стеснен в этом, вероятно, лишь принципами «естественного» разделения труда⁴. Но в задаваемых ими рамках «любой мужчина умел делать и делал все вещи, которые производятся мужчинами, а любая женщина – все, что изготавливается женщинами»⁵. Важно отметить, что едва ли свобода древнего человека в выборе видов трудовой деятельности становилась возможной по причине примитивности трудовых операций. Во всяком случае, исследователь, знакомый с техниками и технологиями труда каменного века, поставит это под сомнение. Скорее, он объяснит способность первобытных людей переключаться с одного вида деятельности на другой отсутствием институциональных ограничений такого выбора, а также высокой степенью обученности первобытных работников, широтой их знаний об окружающем мире, разнообразием их трудовых навыков.

Дополнительные возможности поддерживать высокий материальный и социальный статус предоставляли первобытному человеку и право контролировать действия аристократической верхушки, а если надо – и свергать ее. Экономическую основу своего социального положения меланезийский аристократ – бигмен – создавал не в результате эксплуатации чужого труда, а благодаря собственным трудовым усилиям. Затем, в результате публичных демонстраций щедрости, он достигал заветного социального статуса, но завоевав его, подобно «царю горы» балансировал на вершине социальной пирамиды, ежечасно рискуя быть низложенным⁶.

Аристократы более позднего времени были свободны от опасения быть подвергнутыми действию общественных санкций. Они присваивали себе престижные функции и лишили общество возможности контролировать их

¹ Perrot J. Commentaires // *Le Levant Sud au VIIIe mil. B.P. Paléorient*. 19/1, 1993. P. 9.

² Поланьи К. Аристотель открывает экономику // *Истоки: экономика в контексте истории и культуры*. Выпуск 5. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. С. 29.

³ Вебер М. История хозяйства. Город. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 65.

⁴ Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 21.

⁵ Marshall L. Sharing, Talking, and Giving: Relief of Social Tensions Among Kung Bushmen. *Africa* 31: 231–49, 1961. P. 243–244.

⁶ Sahlins M. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia, In: *Comparative Studies in Society and History*, vol. 5, № 3, pp. 285–303, April 1963.

исполнение, создав миф о безусловной божественности верховных владык¹ и сделав необязательным, а во многих случаях и недостойным высокого положения аристократа реагировать на мнения и действия окружающих.

В условиях низкой значимости материальных благ, «естественных» принципов их распределения, доступности большинства видов деятельности, открытости социальной структуры и подконтрольности аристократии народу статус первобытного человека определялся преимущественно его личными качествами и трудовыми усилиями, его конвенционально санкционируемыми действиями в пользу группы или ее отдельных членов.

Доступность материальных благ

Сейчас это может показаться странным, но малая обеспеченность первобытного человека материальными ценностями не противоречила доступности для него основных жизненных средств. Более того, представляется вероятным, что экономика каменного века не только не имела недостатка в ресурсах, но даже недоиспользовала их.

Например, Ричард Ли подсчитал, что у бушменов женщина в течение одного дня собирает столько еды, чтобы потом три дня кормить всю свою семью. Остальное время она отдыхает, посвящая его рукоделию, общению с соседями и приему гостей. «Такая ежедневная хозяйственная рутина, как приготовление пищи, колка орехов, собирание дров для костра и хождение за водой, – пишет он, – занимает от одного до трех часов ее времени. Этот ритм размеренного труда и размеренного досуга поддерживается в течение всего года. Мужчины как будто склонны работать интенсивнее, чем женщины, но их распорядок жизни не является столь равномерным. Нередко мужчина со страстью охотится всю неделю, а потом не ходит на охоту в течение двух или трех недель. Так как охота – дело непредсказуемое и подлежащее магическому контролю, бывает, что охотники переживают полосу неудач и прекращают охоту на месяц или дольше. В такие периоды хождение в гости и различные развлечения, особенно танцы, являются основными занятиями мужчин»².

Более напряженный и упорядоченный ритм работы мы могли бы наблюдать и у племен, сочетающих в своей хозяйственной жизни практики как собирательства, так и земледелия. К примеру, Одри Ричардс, наблюдавшая за жителями двух деревень бемба, рассчитала, что рабочее время женщин было распределено относительно равномерно, хотя последние не

¹ Фрэнсис Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1: гл. I–XXXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001, с. 118–119, 126.

² Lee R. What Hunters Do for a Living, or How to Make Out on Scarce Resources, in R. Lee and I. Dellore (eds.), *Man the Hunter*. Chicago: Aldine, 1968. P. 37.

перетруждались: 30,3% дней у них были рабочими, 35,1% частично рабочими и 31,7% нерабочими. Мужчины племени отдыхали от работы приблизительно половину времени. В те же дни, которые можно было считать рабочими, продолжительность рабочего дня составляла от 4,72 до 2,75 часов в день, при том что «молодые и активные мужчины работают ровно вдвое меньше, чем старые»¹. К этому надо добавить, что низкая интенсивность труда ранних земледельцев была табуирована многочисленными религиозными ограничениями, а также типическими культурными практиками. Например, у сиауи, живущих на острове Бугенвиль, «принято прекращать работу даже при слабом, морозящем дожде; имеется обыкновение отправляться на поля, когда солнце уже вполне взошло, и уходить домой в середине дня»².

Нет нужды подвергать сомнению то, что ограниченность способов использования и возможностей аккумуляирования материальных благ, недоиспользование располагаемых ресурсов тормозили развитие хозяйственных отношений в обществе собирателей и охотников. Но важно понимать, что доступность средств жизнеобеспечения в сочетании со сбалансированностью «естественных» потребностей создавали основу экономического и социального равенства и независимости первобытных людей.

Социальные ресурсы экономического роста

Впрочем, изучая древнее социетальное хозяйство, мы можем обнаружить, что давление общества и культуры на экономику далеко не всегда препятствовало экономическому прогрессу. Напротив, в ряде известных нам случаев оно приносило экономические результаты, способные поразить наше воображение не только своим масштабом, но и парадоксальным расхождением с привычными теоретическими схемами.

Примером тому могут служить практики создания и управления древними ирригационными системами.

Еще с выхода в свет «Древнего общества» Льюиса Генри Моргана известно, что к управлению хозяйством каменного века допускались все члены рода либо напрямую, либо же через подконтрольный им совет вождей или сахемов³. Общеизвестно также, что утрата общественного контроля над управлением экономикой в более поздние времена явилась следствием перехода общества кочевников к производящему хозяйству. Окончательно

¹ Richards A. Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia. 2nd ed. London: Oxford University. 1961. P. 164.

² Салинз М. Экономика каменного века. М. 1999. С. 87.

³ Морган Л.Л.: Древнее общество. М.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР. 1934. С. 71.

широкие общественные слои были отстранены от управления экономикой в связи с реализацией крупных хозяйственных проектов – таких как создание ирригационных систем.

На это прямо указывал Карл Август Виттфогель. В своей монографии «Восточный деспотизм» он писал, что ведение ирригационного земледелия предполагает проведение сложного комплекса работ, связанных с рытьем и чисткой каналов, сооружением и поддержанием в рабочем состоянии водохранилищ, дамб и дренажных систем, строительством дорог и мест хранения инвентаря и запаса. Осуществление всего этого комплекса действий требовало формирования вертикально-интегрированного общества, в котором труд основной массы населения организовывался и координировался особой группой функционеров, обладавших необходимыми знаниями и средствами социального контроля и принуждения. Виттфогель, конечно, видел, что на практике «многие примитивные народы, которые пережили годы и целые эпохи голода без решительного перехода к земледелию, демонстрировали непреходящую привлекательность нематериальных ценностей в тех условиях, когда материальное благополучие может быть достигнуто лишь ценой политического, экономического и культурного подчинения»¹. Но он полагал, что если ранние общества такой «решительный переход» все же делали, то ценой создания ирригационной экономики неизбежно становилось порабощение основной части населения теми, «кто контролирует эту систему, обладает уникальными возможностями для достижения высшей политической власти»².

Но, как следует думать, древние не знали, что общественное управление ирригационным земледелием теоретически невозможно. Например, в долине Зеравшана самоорганизующимся общинам удалось сформировать систему взаимосвязанных локальных ирригационных сетей, орошавших территорию общей площадью более тысячи кв. км³. В пользу этого, в частности, свидетельствует то, что границы возникших в более поздние времена среднеазиатских феодальных государств, так же как и в Корее, не совпадали с границами созданных общинами ирригационных систем⁴. Возможности самоорганизации в создании ирригационных систем демонстрируют и современные нам архаичные племена. Так, антропологи, изучавшие ирригационную экономику ряда восточноафриканских племен, обнаружили,

¹ Wittfogel K.A. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press. 1957. P. 17.

² Там же, p. 27.

³ Stride S., Rondelli B., Mantellini S. Canals versus horses: political power in the oasis of Samarkand // World Archaeology. Vol. 41. № 1. 2009. P. 73–87. P. 78.

⁴ Там же, p. 79.

что она довольно эффективна и без мобилизующих усилий менеджериальной аристократии. Функция координации усилий первобытных обществ по созданию и поддержанию в рабочем состоянии ирригационных сооружений вполне успешно выполнялась советом старейшин и общим собранием всех мужчин¹.

Есть основания считать, что наши далекие предки для активизации экономического роста использовали весьма тонкие и подчас недооцениваемые сегодня инструменты – они вырабатывали хозяйственные инновации, задействуя располагаемые социальные ресурсы.

Например, по такому пути пошли неолитические племена, населявшие пойму и дельту Нила. Находясь под прессом демографической нагрузки на вмещающий ландшафт и оказавшись перед лицом социального коллапса, протоегиптяне поняли, что «объединенные усилия более эффективны и производительны, чем изолированная деятельность самодостаточных индивидов»², и в ходе неолитической революции нашли едва ли не единственно возможный выход из социально-экономического кризиса. Они создали новый тип социальной солидарности, основанный на императиве исполнения служебного долга, предполагавший перераспределение ответственности за принятие хозяйственных решений от домохозяйств в пользу функционеров и требовавший широкого распространения практик обязательного участия в общественных работах всех слоев населения. В основу такой солидарности были положены отношения реципрокности, а поддерживалась она практиками централизованного перераспределения жизненных средств³. Важно отметить, что редистрибутивные практики не только способствовали повышению уровня обеспеченности членов неолитического общества, но и становились основой для разделения труда, а значит, и для роста его производительности⁴. И это несмотря на то, что технологических предпосылок для такого роста в сложившихся конкретно-исторических условиях попросту не существовало⁵.

¹ Davies M. Wittfogel's dilemma: heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia // *World Archaeology*. Vol. 41. № 1. 2009. P. 16–35. P. 17–22.

² Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М: Социум, 2012. С. 129.

³ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // *Экономическая социология*. Т. 3, № 2, 2002. С. 69.

⁴ Смит А. «Исследование о природе и причине богатства народов. М: Издательство социально-экономической литературы, 1962. С. 25.

⁵ Rizkana I., Seeher J. Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern. 1988; Arkell, A.J., Ucko, P.J. Reviews of Predynastic Development in the Nile Valley. *Current Anthropology* 6. 1965. P. 145–166.

Похожая социальная инновация была осуществлена на островах Полинезии уже во времена, к нам значительно более близкие. Еще в XX в. антропологи становились свидетелями тому, как полинезийские вожди, используя силовые ресурсы, ломали автономию домохозяйств в сфере собственности и тем самым ускоренно вовлекали их в процесс разделения труда. В этой связи Салинз, сравнивая относительно «передовые» формы организации общественной жизни в Полинезии с относительно «отсталыми» формами социальной интеграции Меланезии, отмечал: «Более высокий потенциал полинезийских вождей в точности соответствует большему давлению, которое они способны осуществить на производство семейного хозяйства, одновременно увеличивая прибавочный продукт и направляя его на более широкое разделение труда, совместное строительство, масштабные церемониальные и военные акции. Полинезийские вожди были более эффективным инструментом общественного сотрудничества на экономическом, политическом, да на самом деле и на всех ...фронтах»¹. Интересно заметить, что в технологическом отношении Полинезия не превосходила Меланезию. Обе экономики уже перешагнули рубеж, отделяющий присваивающее хозяйство от производящего, и мало отличались укладом хозяйственной жизни: они с помощью одинаковых агротехнологий выращивали одни и те же культуры – бананы, кокосы, таро, ямс, хлебное дерево. Разница между ними заключалась только в принципах организации хозяйственной жизни. Если общество западной Меланезии состояло из множества равноправных, независимых и неинтегрированных родственно-соседских групп, каждая из которых возглавлялась бигменом, то общество Полинезии для достижения ускоренного экономического роста решилось на проведение социальной инновации. Им была создана иерархическая социальная структура со всеми признаками централизованного управления. Именно в этом, по мнению исследователя, и крылся секрет очевидных успехов полинезийского хозяйства.

Таким образом, можно полагать, что, вопреки распространенному мнению, древние общества обладали достаточным потенциалом рефлексии и развития. Сталкиваясь с необходимостью повышения уровня обеспеченности людей жизненными благами и не имея возможности ответить на экономические вызовы скачком производящих технологий, они добились роста производительности труда доступными им средствами – модернизацией организационных форм хозяйственной деятельности путем использования прежних и выработки новых социальных структур и экономических институтов.

¹ Sahlins M. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia, In: Comparative Studies in Society and History, vol. 5, № 3, pp. 285–303, April 1963. P. 303.

Чему нас может научить архаичное социетальное хозяйство?

Итак, неолитическая революция принесла человечеству изменения, в результате которых оно надолго было вынуждено проститься с социальным и экономическим равенством, с первобытным изобилием, основанным на умеренности разумных потребностей первобытного человека, с органичностью всей его культурно-хозяйственной жизни.

Следует полагать, что далекое прошлое может многому нас научить. Мы начинаем яснее видеть контуры будущей социетальной экономики – экономики, где ценность хозяйственного ресурса определяется не спекулятивными настроениями рынка, а его значением для удовлетворения естественных потребностей, где реализуются естественные принципы разделения труда и распределения благ, обеспечиваются щадящий режим сменяющихся друг друга видов деятельности, независимость и защищенность человека труда, культурная легитимация хозяйственного действия. Эти черты экономики еще не могут считаться вполне современными, но могут рассматриваться в качестве целей, приближение к которым сегодня уже не выглядит утопичным.

Во многом достижению этих целей способствуют современные тенденции развития хозяйственной сферы.

Так, повышение роли общественного контроля над экономическим действием становится возможным в условиях постепенного повышения значения групповых интересов в хозяйственной деятельности. Эта тенденция начала проявлять себя уже с середины XX в., когда в ключевых отраслях экономики развитых стран произошло резкое увеличение количества собственников капитала, сопровождающееся их отстранением от формального контроля над производством. Это дало основания Д. Беллу, а вслед за ним и многим другим экономистам и социологам, говорить даже о начале «антикапиталистической» «молчаливой»¹ революции в мировой экономике, о возникновении широких возможностей для усиления общественного контроля над хозяйственной сферой.

Размыванию представления о капиталистическом обмене как о разовой «рыночной трансакции», наполнению обмена социальным содержанием может способствовать фиксирующийся современными социологами рост сетевых структур в экономике. Так, «рыночный» рационализм подталкивает хозяйственных агентов формировать «развитые структуры слабых связей-мостов...», порождая (в сети. – С. Д.) некоторое «чувство единого сообщества»². Стремясь к получению выгоды, хозяйственный агент при определенных

¹ Белл Д. Конец идеологии. Нью-Йорк, 1960 (на англ. языке).

² Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. Сентябрь 2009. С. 43.

условиях вынужден ориентироваться не только на экономические, но уже и на социальные критерии, вынужден выстраивать социально-укорененные отношения со своими контрагентами. По словам Брайана Уци, такая укорененность «смещает хозяйственную мотивацию акторов от узкой направленности на сиюминутную экономическую выгоду в сторону обогащения отношениями доверия и реципрокности (позволяющими – С. Д.) ...снизить транзакционную неопределенность»¹. Важно понимать, что наполнение хозяйственного действия социальным смыслом не только способно раскрыть «иные возможности акторов, чем это вытекает из экономической логики рыночного поведения»², но и придает новое содержание всей системе социально-экономических отношений между ними.

В настоящее время проявляет себя еще одна обнадеживающая тенденция: повышение уровня доступности для широких слоев населения основных ресурсов жизнеобеспечения. Если в XIX в. трудовая деятельность могла гарантировать подавляющему большинству наемных работников Европы лишь «поддержание ...физического существования»³, то уже в середине XX столетия ситуация заметно изменилась. Борьба рабочих за свои права, рост потребности работодателей инвестировать в человеческий капитал и привлекать работников к управлению, выдвижение новых социальных стандартов привели к тому, что в этот период «тяготы, связанные с самим характером наемного труда, облегчаются... Роль работающего по найму теряет свои болезненно пролетарские черты благодаря непрерывному повышению жизненного уровня...»⁴. К этому необходимо добавить, что повышение производственных и социальных стандартов происходит на фоне глобализации, которая обеспечивает их диффузию. Все это делает доступность основных жизненных благ достоянием не только жителей Западной Европы и Северной Америки, но и самых широких слоев населения в самых дальних уголках мира.

Известное возрождение принципов социетальной экономики знаменует собой и наблюдающаяся в настоящее время тенденция повышения доступности для наемных работников различных видов деятельности. Конечно, сегодня еще рано говорить, что современная хозяйственная жизнь в полной мере воплощает в себе прогнозы Карла Маркса о победе закона

¹ Уци Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2007. С. 208–251. С. 213.

² Там же, с. 211.

³ Развитие метода политической экономии. М.: Экономика, 1986. С. 239.

⁴ Habermas Y. Theorie der Kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft 2. Bde. 3, durch. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985, Bd. 2. С. 516.

перемены труда, ставящего задачу «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»¹. Однако работников многих, в особенности «современных», отраслей экономики сегодня уже едва ли можно назвать «несчастливым резервным рабочим населением, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации»². Так, еще в начале XX в. для капиталистов стали очевидными пределы узкой профессиональной специализации, которая отрицательно влияет на здоровье людей и существенно подрывает их мотивацию, снижая производительность труда. С другой стороны, сами работники в современном мире все больше ориентируются не на ригидные социальные конструкции, а на информационные и коммуникативные структуры»³. Это, в свою очередь, объективно приводит «к освобождению от структурной жесткости фордистского процесса труда»⁴, открывая для наемного работника возможности поиска новой структурной основы жизнедеятельности. Не случайно на протяжении последних десятилетий на рынок труда выходит все больше работников, отличающихся высокой мобильностью, обучаемостью, самостоятельностью – работников, имеющих сильные переговорные позиции при трудоустройстве на достаточно широкий спектр рабочих мест и готовых эти позиции отстаивать. Развитию этой тенденции в немалой мере способствовали целенаправленные усилия, направленные на снижение институциональных ограничений профессиональной мобильности в условиях сегментации рынка труда, на повышение уровня обязательного образования и расширение возможностей получения дополнительного профессионального образования, а также на создание комфортной среды для самозанятости.

Следует полагать, таким образом, что ряд тенденций, наметившихся в процессе развития глобальной экономики и комплекса ее отраслей в XX – начале XXI вв., благоприятствуют *новому воплощению ключевых принципов социального хозяйства древнего общества*.

В заключение приведем слова Рональда Дора, посвятившего свою деятельность изучению секретов японского хозяйства и верившего в созидательный потенциал социальной экономики. Воспроизводя логику японских предпринимателей, он писал: «Возможно, было бы лучше по-

¹ Маркс, К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 499.

² Там же, с. 499.

³ С. Лэш, Дж. Урри. «Хозяйства знаков и пространства» (Введение) / Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 605.

⁴ Там же, с. 604.

жертвовать некоторой долей эффективности в распределении ресурсов, достигаемой с помощью рыночного механизма, но поддерживать производственную этику и направлять потоки человеческих талантов в более приемлемое русло. Конечная выгода от этого лишь возрастет, поскольку частично принесенная в жертву рыночная эффективность будет более чем адекватно компенсирована усилением других видов эффективности, проистекающей от более защищенной и стабильной жизни людей, их возможности сотрудничать и верить друг другу»¹.

¹ Дор Р. Различия японской и англосаксонской моделей капитализма // Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2007, с. 76.